

УДК 332.122: 338.43 (470.22)+316.324.5

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ: ОПЫТ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Т. В. МОРОЗОВА

Институт экономики Карельского научного центра РАН

Статья посвящена проблемам социальной самоорганизации сельских сообществ. В настоящее время в ситуации минимального государственного включения в проблемы села социальные механизмы стали ключевыми в их решении. На примере нескольких локальных сельских территорий Карелии данные процессы исследованы в ходе экономико-социологических обследований. Наличие активистов в сельских сообществах, готовых на практике выработать механизмы взаимодействия с внешним миром, – важный фактор развития самоуправления. В настоящее время в преддверии реформы местного самоуправления уже созданные общественные территориальные управления могут стать для сельских сообществ одной из реальных сторон социального партнерства между сельскими жителями и двухуровневой муниципальной властью.

T. V. MOROZOVA. MECHANISMS OF SOCIAL SELF-ORGANIZATION IN RURAL COMMUNITIES: EXPERIENCE AND RESULTS OF RESEARCH OF SOCIAL PARTNERSHIP IN KARELIA REPUBLIC

The article is devoted to problems of social self-organization in rural communities. At the present day in the situation of minimal public participation in rural problems social mechanisms became key elements of public management in the sphere of their resolve. These processes have been researched at some local rural territories in Karelia with the aid of socio-economic surveys. The presence of activists in rural communities who are ready to produce mechanisms of communication with external environment means important factor of self-government development. At the present day existing public territorial governments can become one of real sides of social partnership between rural habitants and two-leveled municipal power.

Ключевые слова: сельские сообщества, социальная самоорганизация, социальные сети, социальное партнерство, межсекторное взаимодействие, общественное самоуправление, муниципальное развитие, муниципальная реформа, формальные и неформальные институты.

Важнейшим критерием эффективности социально-экономического развития сельских сообществ является удовлетворение материальных и духовных потребностей различных социальных групп населения, в частности, повышение качества и уровня их жизни, а также поддержание

благоприятной среды жизнедеятельности, в том числе и для будущих поколений, посредством рационального природопользования, охраны и воспроизводства природных ресурсов. Эти задачи стоят как перед муниципальными, так и перед местными органами власти.

По территориальным признакам в Российской Федерации сформировались несколько типов муниципальных образований:

- отдельные поселения (городские и сельские);
- объединения сельских поселений (сельские округа, сельсоветы, волости и т. п.) на территории меньшей, чем территория административных районов;
- районы, объединяющие как сельские, так и поселения городского типа;
- двухуровневая организация (район и внутрирайонные муниципальные образования, город и внутригородские муниципальные образования).

Обращает на себя внимание общее сокращение за последние годы сельских муниципальных образований как в России, так и в регионах. В основном это связано с политической ситуацией, а также с недостаточной финансовой основой деятельности, нарушением прав сельских муниципальных образований и отсутствием их должной правовой защиты (Савранская О. Л.).

Сельская местность – это особая сфера жизнедеятельности человека, в которой хозяйствование переплетается с образом жизни местных домохозяйств и сельских сообществ, поэтому преобразование на селе связывается в первую очередь с совершенствованием сельского развития и реформами сельского самоуправления.

Результаты исследований сельских территорий* подтверждают, что органы местного самоуправления в сельской местности Карелии оказались в достаточно противоречивом положении. Сложилась парадоксальная ситуация: расширение сфер ответственности местной власти в условиях передачи в ее ведение объектов социальной сферы со стороны предприятий одновременно сопровождается сужением ресурсного потенциала для решения многочисленных проблем жизнеобеспечения населения территории.

Широкий круг ответственности связан с поддержкой экономических субъектов территории (домохозяйств, частных предпринимателей), с оказанием помощи отдельным социальным группам населения, с функционированием объектов социальной инфраструктуры, организацией сельского сообщества и т. п.

Местные органы власти являются основным арендодателем земли для развития личных подсобных хозяйств сельского населения, что особенно актуально при возрастающей тенденции активного землепользования в сельских поселениях. Кроме того, местная власть

реализует на сельской территории социальную работу, содействует формированию общественных организаций, общественного мнения, институтов гражданского общества. Эти процессы являются чрезвычайно важными для формирования атмосферы устойчивости жизнедеятельности сельских поселений.

В настоящее время вопрос реформирования местного самоуправления в контексте принятого базового федерального закона о местном самоуправлении стал предметом острых многолетних дискуссий (см., например, серия круглых столов «Местное самоуправление и гражданское участие в сельской России», Фонд «Институт экономики города», 1995–2003*). Отмечалось, что проект не учитывает особенности местного экономического развития на селе, поскольку предлагаемая реформа базируется на установлении законодателем («сверху») одинаковых задач и функций для органов местного самоуправления как сельских поселений, так и городских (кроме городских округов). К негативным последствиям реформирования участниками круглых столов было отнесено обязательное функционирование органов местного самоуправления в районах, что может привести к делению муниципальных образований на высшие и низшие, подчиненности сельских поселений муниципальным районам, а, значит, к созданию видимости осуществления местного самоуправления на селе.

Результаты исследований проблем развития села в Карелии** свидетельствуют о том, что сегодня идея осуществления местного самоуправления в сельских сообществах находится в состоянии дискредитации. Это демонстрируют материалы одного из интервью.

«Как изменились Ваши полномочия в настоящее время? Многие наши функции сейчас переведены в райцентр, рычагов воздействия стало у нас меньше. В каких рычагах воздействия Вы нуждаетесь, чтобы Ваша работа была эффективнее? Какие из переведенных в райцентр функций должны, на Ваш взгляд, быть возвращены Вам? Когда мы выделяем участки под строительство, оформляем документы под дачи, все согласовываем в райцентре. Со всех строений, земель, дачных участков собираются налоги, и деньги уходят в райцентр. Для них самое главное – собрать деньги, а что у нас здесь будет, их не интересует. Зато свои функции контроля на нас перекалдывают. Хотя они и должны контролировать, они за это деньги берут. Если бы часть этих денег оставалась у нас, мы могли бы

* Исследовательский проект РГНФ «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона» (№ 03-0200385а), 2003–2005, руководитель – Т. В. Морозова.

* Фонд «Институт экономики города», 1995–2004. WWW: <http://www.urbanecomomics.ru>

** Экспедиционный проект РГНФ «Проведение экономико-социологического обследования проблем формирования социального партнерства как эффективного механизма политики занятости» (№ 04-02-18005е), 2004, руководитель – Т. В. Морозова.

решить многие важные для поселка задачи. Много полномочий у нас забрали. Люди по любому поводу едут в райцентр. Сообщение, знаете, у нас какое, и билет стоит недешево. Люди жалуются. Автобус ходит один раз в день: утром – туда, вечером – обратно. Решишь пару пятиминутных вопросов – и день потерян. Теперь наша функция распорядительная: нам указывают – мы выполняем. Ничего мы не решаем тут.

Каковы Ваши функции на сегодняшний день? У нас 20 бюджетных организаций. Это все на нас, на местном самоуправлении. Мы сегодня финансируем школы, детские сады, больницы, сельские дома культуры, библиотеки. Выплачиваем заработную плату, ремонтируем помещения. Нам не дают денег на эти цели, денег мы никаких не зарабатываем. Если раньше мы что-то зарабатывали от разрешительных функций, то сегодня и этого нет. И вот, выкручиваемся, как можем.

А что за разрешительные функции, на которых Вы раньше зарабатывали деньги? Оформляли документы на землю. Люди платили за свои участки здесь.

А теперь часть этих денег каким-то образом возвращается? Нет.

Каковы основные доходные статьи у Вас? Нет никаких. Полностью зависим от бюджета. Их всегда недостаточно. Сегодня мы ими закрываем какие-то маленькие дырочки. Деньги подходят очень плохо. Раньше деньги могли не платить 2–3 месяца, могли их направить туда-сюда. Сейчас четко все. Что район получил, делится на две части: 70% – на зарплату, остальные 30% – на хозяйственные нужды. Этим 30% недостаточно, чтобы профинансировать все населенные пункты. Они и город не могут профинансировать» (из интервью со специалистом Территориального управления, Приладожье, 1999 г.).

Такая ситуация не может не снижать значимости местной власти в процессе самоорганизации и саморегулирования сельского сообщества. В Карелии, так же как и в значительной части российских регионов, может получить распространение ситуация, при которой сельское население самостоятельно не осуществляет местное самоуправление в границах сельских территорий. Участие населения в местном самоуправлении все в большей степени может сводиться к территориальному общественному самоуправлению (ТОС) (Республика Карелия..., 1996, 2002).

Однако необходимо заметить, что ТОС – лишь общественная самодеятельность граждан, а не власть. Население в рамках ТОС может осуществлять лишь собственные инициативы в вопросах местного значения за счет собственных ресурсов. Решение же вопросов жизнеобеспечения отнесено к компетенции органов местного самоуправления, которые вправе использовать средства местных бюджетов, визи-

ровать налоги и сборы, получать ресурсы от государства. Жители сельских поселений в рассматриваемом случае влияют на решение этих вопросов опосредованно, совместно с жителями городских поселений и иных территорий. Это приводит к существенной зависимости решения вопросов местного самоуправления в сельской местности от населения городов и поселков городского типа, что не позволяет в полной мере учесть все потребности в развитии села и особенности сельского образа жизни. При этом, как уже подчеркивалось, данная ситуация сложилась не из-за ограничений на федеральном уровне, а в результате правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации (Савранская О. Л.).

Всего возможностей местной власти в спорах решения сложных проблем жизнеобеспечения в настоящее время достаточно однообразен и связан с помощью, которую более-менее регулярно оказывают ей местные предприятия. Это демонстрируют наши данные интервьюирования представителей сельских территориальных управлений республики.

«Как Вам удается выходить из этой ситуации?» Работаем с людьми, прежде всего с местными предпринимателями, ищем спонсоров. Призываем дачников вливаться в наш коллектив, помогать чем-нибудь. **Чем помогают частные предприниматели?** Техникой, иногда деньгами. Они же не большие предприниматели. В основном занимаются торгово-закупочной деятельностью. Помогают продуктами для наших бюджетных организаций. Не безвозмездно. А есть среди них местные жители, им небезразлично. Они рады помочь, могли бы нам сегодня помочь, но они платят налоги. Все зафиксированные у нас частные предприниматели налоги платят в город. Если бы часть этих налогов оставалась в поселке, мы могли бы приобретать продукты питания, материалы и так далее. Частные предприниматели говорят, что лучше заплатили бы деньги нам, по крайней мере, знали бы, куда эти деньги пойдут. **А на каком уровне у Вас связи с предприятиями? Помогают они?** Предприятий немного. Основное – АО. На нем работает 188 человек. Они помогают, так как у них техника: трактора, машины. Мы идем и просим. Они тоже не всегда дают так просто. Они сами живут в долг, у них те же проблемы, что у нас. Сегодня местная власть поставлена в такое положение: ходим, просим, унижаемся. У меня есть идея собрать вместе всех руководителей предприятий, частных предпринимателей и подумывать, что мы сегодня можем сделать для поселка. Как-то лично заинтересовать каждого» (из интервью со специалистом ТУ, Сегежский район, 1997 г.).

Принятый в настоящее время Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (Российская Федерация..., 2003)

предусматривает коренные преобразования территориальных, организационных основ местного самоуправления, существенное изменение компетенции, затрагивает бюджетную и налоговую сферы и даже права граждан на местное самоуправление.

Предполагается введение трех типов муниципальных образований с разным объемом компетенции.

Первый тип – поселения. В перечне вопросов местного значения поселений отсутствуют принятие и реализация программ развития муниципального образования, формирование необходимой инфраструктуры для осуществления хозяйственной деятельности, в том числе для развития сельскохозяйственного производства, координация деятельности предприятий, направленной на развитие территории, создание условий для занятости населения и ряд других важных вопросов, традиционно решаемых муниципальными образованиями. Будет отсутствовать возможность развития сельскохозяйственной кооперации с участием органов местного самоуправления или при их организационном обеспечении и кредитной кооперации. Вместе с тем наиболее трудно решаемые в настоящее время вопросы электро- и газоснабжения населения в границах поселений отнесены к компетенции этого типа муниципальных образований. Органам местного самоуправления поселений отдельные государственные полномочия не передаются.

Второй тип муниципальных образований – муниципальный район. Так же, как и для поселений, отсутствуют в компетенции местного значения вопросы стратегического значения. Для муниципальных районов введено ограничение на принятие к своему ведению вопросов, не установленных рассматриваемым проектом закона, аналогичное таковому для поселений. На органы местного самоуправления муниципального района возлагаются отдельные государственные полномочия.

Третий тип муниципальных образований – городской округ. Это «не входящее в состав муниципального района городское поселение». К вопросам местного значения городского округа отнесены все вопросы местного значения поселений и муниципальных районов. Органы местного самоуправления городских округов также наделяются отдельными государственными полномочиями.

При сопоставлении вопросов, отнесенных к компетенции разных типов муниципальных образований, выявляется различие прав граждан в зависимости от того, проживают они в поселениях или городских округах, что противоречит не только Конституции Российской Федерации, но и общепризнанным нормам международного права. Так, например, организация первичной медико-санитарной помощи, деятельность учреждений дошкольного, начального

основного, среднего общего образования, дополнительного образования исходя из интересов населения в крупных городах решается этим населением самостоятельно, без участия иных граждан, а в малых и средних городах, сельских поселениях – за данное местное сообщество решения будут принимать другие граждане, не пользующиеся услугами данных учреждений и не заинтересованные в их деятельности.

Кроме того, ставя в зависимость от численности населения и вида поселения возможность самостоятельно осуществлять местное самоуправление и решать вопросы местного значения, законопроект при его принятии будет препятствовать повышению гражданской активности, созданию гражданского общества, усилит иждивенческую позицию населения. Особенно негативные последствия принятие закона влечет для сельскохозяйственного производства и развития сельских поселений. Исключение возможности населения влиять на процессы жизнеобеспечения, ограничение компетенции с соответствующим ограничением финансовых ресурсов (нет полномочий – нет финансов) приведет к массовому оттоку из села граждан, особенно молодежи, старению и вымиранию села, сокращению трудовых ресурсов. В этой ситуации весьма вероятно замещение коренного населения мигрантами либо сокращение сельхозпроизводства и простой сельхозземель (Савранская О. Л.).

В дискуссии о реформе местного самоуправления в сельской местности важное место отводится проведению институциональных преобразований на селе с целью содействия со стороны государства и органов местного самоуправления развитию самых разнообразных форм гражданского участия – территориального общественного самоуправления, сельской кредитной кооперации, фермерского самоуправления, муниципальных фондов поддержки сельского развития и других форм вовлеченности жителей, без которых реальное местное самоуправление в России не состоится. В российских регионах представлен интересный опыт развития сельского самоуправления и социального партнерства в рамках действующего законодательства. Например, в Архангельской области сейчас 30 деревень нашли свои «точки роста» через функционирование ТОС. Именно органы ТОС выстраивают отношения между жителями, властью и бизнесом. Часто школа в сельской местности является центром общественного притяжения и проводником преобразований в сельском сообществе (социальные проекты «Общественно активная школа» в Пензенской области, «Дедуровский каравай» в Оренбургской области и др.*).

* Фонд «Институт экономики города», 1995–2004. WWW: <http://www.urbanecomics.ru>

Большое внимание формам гражданского участия в самоорганизации сельского социума уделял академик А. А. Никонов. В своем фундаментальном труде он подчеркивает, что *«следует быстрее восстановить традиционное для России низовое звено самоуправления – сельское общество. Эта первичная территориальная единица объединяет все семьи и всех имеющих право голоса граждан, проживающих в селе, или группе малых деревень или группе хуторов. Высший и единственный орган управления – сельский сход, то есть общее собрание граждан решает все вопросы местной жизни, начиная от споров между соседями, обработки огородов, ремонта местных мостиков, завоза топлива, выделения выпасов и кончая более сложными. Такой сход собирается по мере необходимости, но не реже двух раз в год. Он созывается как по инициативе граждан, так и администрации. Для текущих дел избирается сельский староста. Источник власти у него только один – доверие и авторитет личности»* (Никонов, 1995).

Предлагая в своей модели местного самоуправления восстановить и волю, и власть, иметь волостного старшину, управу из нескольких авторитетных местных людей, свой местный бюджет, практиковать волостные сходы, он подчеркивает необходимость этих шагов для решения не только хозяйственных, социальных вопросов, но и морально-этических, воспитательных. Важнейшая задача – *«восстановить нарушенную общность между людьми, сплачивать здоровые силы российской деревни против агрессивной бездуховности, культа насилия и вседозволенности, наплыва всякой «канализационной» мути в образе «массовой культуры», против ставшего уже повальным пьянства. Следует возрождать лучшие обычаи, традиции и обряды народа. В экономической сфере можно многое сделать по развитию ремесел и промыслов, лучшему использованию даров земли, лесов, вод при бережном к ним отношении»* (Никонов, 1995).

Для успешного развития реформы и сельского социума в целом необходимо создать и развивать социальную базу реформы, заинтересовать самих крестьян и организовать их и прежде всего через возрождение различных видов сельскохозяйственной кооперации и укрепление местного самоуправления. В этой связи особенно возрастает роль трех институтов: государства, кооперации и местного самоуправления.

Обобщая изложенное, необходимо еще раз подчеркнуть, что сегодняшнее местное самоуправление на селе находится в крайне негативном состоянии: с одной стороны, современные формы МСУ оказались практически оторванными от государства, сохраняя представительность практически на фор-

мальном уровне. С другой стороны, формы самоорганизации сельского сообщества, базирующиеся на гражданской инициативе, чрезвычайно неразвиты и не могут в настоящее время служить основой местного самоуправления.

В такой ситуации поиск наилучших моделей местного самоуправления применительно к сельскому сообществу, во-первых, чрезвычайно актуален во избежание необратимой деградации села. Во-вторых, модель местного самоуправления должна быть многоступенчатой с обязательным включением как структур, наделенных государственными полномочиями представительства сельских сообществ, так и зарождающихся или возрождающихся структур низовой самоорганизации села. Каждая из этих структур должна развиваться во взаимосвязи друг с другом на паритетных началах. Только полный спектр необходимых звеньев местного самоуправления на селе может создать благоприятные условия для развития сельского сообщества.

Расширение сфер ответственности местной власти в условиях сужения ресурсного потенциала для решения многочисленных проблем жизнеобеспечения сельской территории существенно затрудняет выполнение ею социальных функций. Местная власть реализует на сельской территории социальную работу, содействует формированию общественных организаций, общественного мнения, института гражданского общества. Эти процессы являются чрезвычайно важными для формирования атмосферы устойчивости жизнедеятельности сельских поселений.

Новый Закон о местном самоуправлении подразумевает, что само население на своей территории будет управлять своими ресурсами, будет решать местные вопросы. В этом основная его задача. Сельское население понимает, что с сегодняшним арсеналом возможностей помочь развитию сообщества местная власть, конечно, не сможет. *«Местное самоуправление из лексикона как бы автоматом выбыло. И сегодня у нас его уже нет. Не сельские советы – советы, где советуются депутаты, а территориальное управление, которое имеет только распорядительно-исполнительные функции. Поэтому, мне кажется, надо расширять, прежде всего, местное самоуправление»* (материалы семинара с местным населением, Заонежье, 2004 г.).

В данном контексте актуализируются инновационные формы и механизмы социальной самоорганизации, способные в сложных социально-экономических условиях решать самые острые вопросы. Такие механизмы должны быть в арсенале местной власти. К таким механизмам относится социальное партнерство, исследование феномена которого применительно к Карелии осуществ-

лялось в рамках нескольких научных проектов*.

В связи с малой распространенностью практик социального партнерства исследовательская программа по изучению данного феномена для условий региона России включает совокупность количественных и качественных методов сбора эмпирических данных. В основе этой совокупности лежит метод «*case-study approach*» с привлечением социологического инструментария, с его помощью были отобраны пилотные территории, на которых локализованы сообщества разных типов. В качестве *case-study территорий* отобраны: на муниципальном уровне три территории (районные центры и районы), различающиеся по проявлению инициативы формирования социальных партнерств. Местный уровень также представлен тремя населенными пунктами, различающимися по сложности социальной структуры и соответствующей ей системе социальных связей.

Одним из примеров *case-study* территории, отобранной методикой исследования на муниципальном уровне, является г. Питкяранта и Питкярантский район. Наиболее интересные с точки зрения целей и задач проекта результаты были получены в процессе инновационных семинаров с представителями власти, бизнеса, Центра занятости, образовательных учреждений и общественности (этап 2003 г.). Следует сказать, что в ходе семинаров и отдельных качественных интервью были выявлены ряд острых социальных вопросов, которые пытаются решать на территории муниципалитета с помощью социального партнерства различные социальные группы.

Инициатором таких попыток выступают администрация и представители Территориального управления Министерства труда и социального развития РК. Причем они отдают себе отчет в том, что такая инициатива сверху не может иметь достаточного социального эффекта. «*Это плохо, что социальное партнерство создано сверху, что инициатива исходила не от работодателей, как потенциального партнера, и от профсоюзов – другого партнера. Согласитесь, что социальное партнерство предполагает в первую очередь формирование и готовность самих социальных партнеров к социальному партнерству*» (из интервью представителя ТУ Министерства труда РК).

Тем не менее работодатели Питкярантского района организовали подобие ассоциации «Деловое сотрудничество». «*Сначала собрали*

самых крупных авторитетных руководителей. С ними посовещались. У них интерес был более денежный. Им трудно было понять, что социальное партнерство создается для решения социальных проблем больше всего. Но, тем не менее, нам удалось пробудить у них какой-то интерес. После этого мы собрали всех руководителей и создали районное объединение работодателей» (интервью представителя ТУ Министерства труда РК).

Результаты качественных интервью и инновационных семинаров на территории Питкярантского района позволили выявить ряд дискурсов, связанных с социальным партнерством как инструментом развития сферы труда и занятости и в целом социального развития территории муниципалитета:

- Необходимость повышения заработной платы

- Возможность с помощью социального партнерства в условиях крайне дефицитного местного бюджета решать социальные проблемы населения

- Социальная ответственность бизнеса.

Местная власть отводит заработной плате роль важнейшего экономического механизма развития территории. «*Низкая зарплата – это что? Это – низкая покупательная способность населения. Это – сразу же выливается в проблему ЖКХ: неплатежеспособность населения, особенно в сельской местности. То есть у нас основные неплательщики ЖКХ услуг получают в основном сельские. А почему? Потому что у них нет денег. Зарплата в сельском хозяйстве около 1500 руб. (на предприятиях типа Ляскульский ЦБ, лесозавод Ладожский – 2500 руб. по начислению). Откуда им платить? Потом, учитывая, что пересмотрели налоговый кодекс, очень многие налоги от нас ушли, и налогооблагаемая база понизилась. Нам нужны были дополнительные налоги, которые мы могли взять только с фонда зарплаты, т. е. налоговая нагрузка на труд является основным источником дохода для местного бюджета. Поэтому повышение зарплаты на предприятиях компенсировало бы нам повышение дохода в местный бюджет и решило проблемы с выплатой зарплаты бюджетникам и т. д.*» (из интервью специалиста администрации).

Несмотря на все усилия инициаторов переговорного процесса и остроту проблемы низкой заработной платы для всей территории, повлиять на работодателей в полной мере не удалось. Трехстороннее межотраслевое соглашение, которое было достигнуто в сообществе, не решило главной проблемы.

«*Зарплата стала краеугольным камнем этого соглашения. У нас несколько вариантов было по этому соглашению. Мы предлагали нашим предприятиям выйти на минимальную зарплату на уровне прожиточного минимума, того самого провозглашенного кодексом, но не реализованного до сих пор. Потом, на*

* Проект РГНФ «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона» (№ 03-0200385а), 2003–2005, руководитель – Т. В. Морозова; проект РГНФ «Проведение экономико-социологического обследования проблем формирования социального партнерства как эффективного механизма политики занятости» (№ 04-02-18005е), руководитель – Т. В. Морозова.

уровне сельских предприятий мы, конечно, не могли такого предложить, учитывая экономику. Там оставили минимальную по стране. Вышли мы с этими предложениями. К сожалению, наши руководители уперлись и ни в какую. А в итоге, чтобы заключить это соглашение (а других важных моментов было много), мы пошли на то, чтобы согласиться на ни к чему не обязывающую формулировку, что они будут стремиться к повышению уровня зарплаты на уровне прожиточного минимума, достижению минимального уровня зарплаты на уровне прожиточного минимума. То есть своей цели мы, честно говоря, не достигли, и это здорово обесценило соглашение. Но там есть другие неплохие вещи. Например, мы там четко определили шефство крупнейших наших предприятий – работодателей над объектами социальной сферы: школы, детский сад (кто за кем, и кто кому помогает), шефство наших крупных предприятий над фермами сельского хозяйства. Потом профсоюзы взяли конкретные обязательства работать со своими работниками (как представители от работников) в плане культурного содержания подъездов, своевременной выплаты (расчетов) с предприятиями ЖКХ. Далее, предприятия взяли на себя обязательство при необходимости помогать предприятиям ЖКХ техникой при подготовке к зиме или после зимы. Таким образом, в массе деклараций много вещей, которые давали определенный эффект. Надо поработать хорошо, и весь район и все стороны от этого могут получить что-то, но главная идея, к сожалению, нам не удалась. Но это не значит, что мы ее упустили. Мы опять будем договариваться, так как с такой зарплатой мы далеко не уедем. И, по-моему, у работодателей начинает появляться понимание, что самый главный тормоз для территории – это низкая зарплата» (интервью представителя ТУ Минтруда РК).

Проблема заработной платы позволила выявить позиции различных социальных групп муниципального образования и объединить их усилия в сторону ее решения через механизм социального партнерства. Не совсем удачный опыт не только не остановил процесс, а наоборот – активизировал новые инициативы.

Вместе с тем говорить о цивилизованных институционализированных формах социального партнерства, решающих проблемы социального развития, для условий муниципалитетов Карелии еще рано. Инициатива, исходящая сверху, не достигает необходимого эффекта. Участники переговорного процесса (социального партнерства) находятся, с одной стороны, под влиянием государства, которое не включает необходимые формальные регуляторы, с другой стороны – ощущают на себе слабость или вообще отсутствие гражданских институтов, что тормозит сам переговорный процесс.

Примерами case-study территории местного (поселкового) уровня являются сельские насе-

ленные пункты Республики Карелия: Толвуя, Великая Губа и Пяльма. В первом населенном пункте существуют традиционные социальные взаимосвязи, существует сильное коллективное предприятие, которое аккумулирует в значительной степени широкий круг проблем и механизмов их решения. Во втором сельском населенном пункте коллективное предприятие ликвидировано, отсутствует традиционная для села централизация, изменена система социальных и экономических взаимосвязей. В третьем селе – и это особый случай – разрушена не только производственная и социальная структура, но и практически отсутствует поселковая администрация; «карта» социальных взаимоотношений и социальных связей существенным образом сужена.

На каждом из представленных уровней реализованы методы сбора эмпирической информации:

- Глубинные интервью и анкетирование потенциальных и реальных участников социальных партнерств
- Проведение инновационных семинаров с активистами локальных территорий
- Анкетирование домохозяйств методом формализованного интервью.

Пример Великой Губы примечателен инициативой создания на территории Общественного совета, который взял на себя функции самоорганизации поселка в условиях государственной поддержки и отсутствия бюджета. Инициатором выступила поселковая администрация, к ней примкнули представители сельской интеллигенции – учителя, врачи, библиотекарь.

«Идея возникла уже давно. Сначала пытались собрать всех, не получилось. Потом решили собрать наиболее активных, через директора дома культуры, вот так и организовался. Нам удалось поднять жителей на субботники, работа по ремонту причала идет – есть результаты. В прошлом году решили провести обложение населения, так как денег в бюджете нет – вот на ремонт дорог собирали по 10 рублей – и хотя бы какие-то небольшие работы. В прошлом году убрали все помойки. 12 семей в прошлом году на субботнике, в этом году уже было 50. Меняем психологию людей. Говорим, давайте собираться вместе и делать, потихонечку ситуация сдвигается» (интервью с Управляющим сельской администрации).

Такая форма объединения, по сути, то же социальное партнерство, только переговорный процесс идет между местной властью и жителями села. Активную роль играет интеллигенция, которая стала носителем и проводником новых инициатив. Такие тенденции, когда сельская интеллигенция берет на себя роль общественного культурного «двигателя», наблюдаются практически во многих сельских сообществах Карелии. «Еще у нас дорожки ткут на станках. Инициатива шла от жены польского писателя, который живет неподалеку. Выиграли они грант по Заонежью по ткацким делам. Работают

5–6 молодых. Их обучали этому делу – специально приезжали, ну и бабушки приходят, которые раньше этим занимались. Спрос на их продукцию есть – потихонечку они повышают качество продукции. Я им непосредственно могу помочь тем, что связываюсь с предпринимателями, которые занимаются туризмом. Они меня уже давно просят сделать заказ. Ну и когда различные ярмарки в Шульге (1 раз в 2 года) и Космозеро у нас будут – будем вывозить продукцию. Фольклорные коллективы тоже поедут – наш, Кузаранды, Кижей» (из интервью с Управляющим сельской администрации).

Примечательно то, что в некоторых сельских сообществах, где сформированы ТОС, инициатива местного населения начинает приобретать черты гражданской зрелости. Одним из проявлений этого процесса являются позиции и мнения жителей с. Великая Губа.

Из материалов круглого стола с местными жителями Великой Губы (Заонежье, 2004 г.):

«Все мы избиратели и можем делегировать какому-то депутату наши голоса, который будет представлять нас в Законодательном собрании, то есть можно найти какие-то формы выражения сельского хозяйства в законодательных, исполнительных структурах и смотреть, эффективно это или еще какие-то формы искать? Или все же сверху должны формы предлагать? Если сверху предлагать, то это пустая трата времени и денег будет. Если будут деньги, будет и структура, которая займется развитием села. Это дело не сегодняшнего дня, это перспективное дело. А сегодня общественный совет нуждается в поддержке, чтобы реально воздействовать на жизнь на территории. Нужно устраивать круглые столы с людьми, которые имеют полномочия».

Представленные позиции местных жителей свидетельствуют о том, что формируется общественная инициатива по организации жизни территории. Общественные советы, существующие пока только декларативно, могут стать необходимым связующим звеном между местными жителями и властью, которая пока еще очень далека от народа. Важно, чтобы в такие советы входили более широкие слои населения. Наиболее активные могут стать основными двигателями в переговорном процессе между властью и местными жителями.

«Я думаю, что небольшой совет, который у нас сегодня есть, будет развиваться и останутся действительно активные люди, которые за собой и поведут. Но это очень сложно и нужно время, хорошо, конечно, иметь в советах людей, у которых есть деньги и техника, но пока этого нет. У нас сейчас все на общественных началах, но это законодательно закреплено. Да и для развития нужно создавать экономические и политические предпосылки, а мы так устроены, что пока закона нет, нас никто ничего делать не заставит: вот мы совет зарегистрировать хотели, так даже положения нет».

Вопросы, которые поднимаются на уровне различных социальных групп сельских сообществ, характеризуют уровень гражданской активности населения. И если в этих вопросах звучат мнения о самоуправлении, причем достаточно аргументированно, то можно судить о том, что село заявило о необходимости развития политической культуры. Следует отметить, что в новом законе о местном самоуправлении очень большое значение отводится общественной инициативе, инициативе снизу, прописано несколько форм, в которых они могут проявляться: форма схода, форма ТОС, форма конференций на местном уровне. Представители подобных структур могут быть услышаны через издания местных, поселковых правовых актов, которые уже через депутатов имеют право, имеют возможность пройти на более высокий уровень.

Из опыта с. Великая Губа видно, что на территории, лишенной государственной финансовой поддержки и не имеющей градообразующего предприятия, решаются повседневные экономические и социальные проблемы, люди пытаются решать эти проблемы общими усилиями.

Из материалов семинара с местными активистами, Великая Губа, 2004 г.:

«Мы получили очень много негатива, оказались неподготовленными к ситуации, когда нас много лишили. В принципе, разрушилось одно предприятие, но оно было для нас всем, работой и очень существенной поддержкой. В такой сложной ситуации здесь на территории уже просматриваются такие пульсирующие точки, которые нужны, чтобы сельское сообщество не просто выживало, но совершенно по-другому посмотрело на сложившуюся ситуацию, видело не завтрашний день, а уже ориентировалось на следующий год, на своих детей, чтобы видело, с чего начинать здесь. Уже появился совет, а значит, люди начали понимать, что многое зависит от них, даже элементарное участие в наведении порядка. Может быть, стоит начать с самоорганизации людей на уровне местных инициатив, чтобы рождались какие-то идеи, чтобы они продвигались дальше. Раз региональная власть говорит, чтобы мы разбирались с проблемами сами, значит, нужно использовать тот опыт, который у нас уже есть. С нашей точки зрения это зависит от способности людей захотеть изменить что-то».

Самым уникальным примером социального партнерства местного (низового) уровня является община в д. Пяльма Республики Карелия. Здесь нет власти, нет производственной и социальной инфраструктуры. Население занимается огородничеством и собирательством. Местным активистом* создано и функционирует пока только в летнее время частное

* Петр Поташев – родился и провел детские годы в деревне.

предприятие, занимающееся сельским туризмом. Этот человек фактически взял на себя всю ответственность за жизнедеятельность и жизнеустройство деревни. Население деревни не молодое, поэтому многие вопросы, связанные с обработкой огородов, сенокосом и уборкой урожая, он берет на себя.

«Когда еще в девяностом году сюда приезжал, у жителей была проблема, у этих пенсионеров, как же вспахать огороды. Огороды все-таки большие, там по десять соток. Когда приехал в девяностом году, сказал: всё, не переживайте, с этого времени все, кто вышли здесь на пенсию, в деревне, заслужили, чтоб вам бесплатно вспахали. Я вам буду каждый год бесплатно весной пахать. И вот этим я занимаюсь до сих пор. Это я с удовольствием делаю, потому что они действительно заслуживают. Конечно, им надо помочь. Насколько у меня силы, возможности были, я старался им помогать» (из интервью с Петром Поташевым, Заонежье, 2004 г.).

Практически староста деревни попытался воспроизвести известные на Руси формы самоорганизации крестьянской глубинки. Сама община в форме ТОС является прообразом социального партнерства между всеми ее представителями – а это и жители села, включая самого старосту, постоянно отдыхающие летом гости и туристы. История и мотивация создания общины имеет глубинные корни. Староста, родившись в деревне Пяльма и прожив в ней детские годы, сохранил уважение к тяжелому, почти не компенсируемому государством крестьянскому труду. Мечта о справедливом мире, в котором крестьянин – самодостаточен и автономен, а сама деревня – соединение красоты природы и удобной, благополучной жизни для крестьян, стимулирует его на активные действия по воплощению этой мечты в жизнь. Главной целью своей жизни он считает возрождение д. Пяльма.

Мотивация создания общины. Тяжелый крестьянский труд, знакомый с детства, сформировал высокий уровень уважения к его участникам – бывшим односельчанам, работникам бывшего совхоза. *«Этим людям надо отдать должное, то, что они – трудяги! Они ж трудяги, в свои-то 80–85 – до сих пор трудяги, их же уже не переделаешь».*

Тем не менее этот труд никак не стимулировался на государственном уровне. *«Потому что здесь в совхозе отработали можно сказать за копейки, ну за дарма. Тоже это знаете, сначала паспортов не было, потом средств не было, потом уже просто расценками. От зари до зари работали, я-то помню, был пацаном, помню, как работали как наши родители и люди здесь вообще. Вот те, что старушки сейчас, еще остались здесь живы, старички – они за свою жизнь столько поработали, а получали совсем немного».*

Сельские сообщества пережили немало трудных времен. Одной из социальных траге-

дий села стала политика ликвидации неперспективных деревень. *«Почему я злой на государство, потому что здесь из деревни людей выгнали. Просто брали дома, разбирали и вывозили. В Кодачи, Пудожгорский – новый поселок организовывали. Пудожгорский девяносто километров отсюда, на пустом месте стали организовывать поселок, отсюда вывозили дома. И кто жил в этих домах, говорят: а где мы жить будем? Езжайте с этими домами туда. Ну, кто-то поехал туда. А некоторые просто сказали, а все равно срывают с мест, поехали-ка мы в Петрозаводск, в Сегежу, в Кондопогу, еще куда-то, в разные города уехали. Так вот, уезжали люди со слезами на глазах. Хотя труд адский был здесь, платили мало. И то со слезами уезжали. Это о чем говорит, а о том, что о людях не думали. Люди имели свой уклад, свои традиции, свои привычки, их взяли и малое переселение устроили. Куда захотим, туда и отправим. – Это геноцид какой-то. – Да, да, да. Согласен с Вами, местный геноцид».*

Последствия этой трагедии стоят в ряду с последствиями коллективизации – оба фактора работали на уничтожение крестьянства в России. Не случайно в момент, когда крестьянский вопрос вновь стал важнейшим общественным вопросом, наиболее активные социальные элементы включились в его решение. Одним из проявлений такой активности стала деятельность выходца из д. Пяльма Петра Поташева.

Благодаря его усилиям разорванные социальные связи д. Пяльма через много лет начали восстанавливаться. Люди стали приезжать, и некоторые остались жить – начало формироваться ядро маленького сельского сообщества. Основной тон жизни задает сам староста – он включен во все хозяйственные и социальные вопросы деревни.

Новое законодательство позволяет создавать общественно-территориальные самоуправления в рамках локальных сообществ, что и было осуществлено в д. Пяльма. *«Конечно, нужно! Мы создали здесь, три года назад создали. У меня созрело давно это, но вот три года назад осуществили. Сейчас новый принят закон. Примерно сорок лет мы, ноль внимания, отсюда налоги, у меня двадцать видов налогов, до двадцати видов налогов я платил. Какие, даже такие, как на содержание дошкольных заведений. Здесь нет ни одного садика – я должен платить? И платил. Законодательство такое, законопослушный – надо платить. Теперь на содержание муниципальной милиции – не отработывает она наших налогов. Много примеров можно привести».*

На сегодня самая острая проблема – ремонт моста и дороги. Именно вокруг решения этой проблемы появилась идея создания формальной структуры, через которую можно официально выходить на органы управления и власти района и республики, *«чтобы иметь возможность*

самим решать местные вопросы и обращаться уже не так хаотично, а уже именно от деревни».

Основная причина создания такой структуры, как ТОС (а такую потребность имеют многие сельские сообщества), – необходимость формализации деревенского самоуправления. Следует сказать, что в российской практике местного и муниципального развития не выработаны основные механизмы взаимодействия органов общественного самоуправления и государственной власти. Общественное самоуправление пока еще не имеет ни финансового, ни институционального обеспечения. Поэтому ТОС в селе на сегодня – пока не панацея. Но там, где нет никакой власти, это единственное связующее с внешним миром звено. Наличие активистов в сельских сообществах, готовых на практике выработать механизмы взаимодействия с внешним миром, – важный фактор развития самоуправления. В настоящее время в преддверии реформы местного самоуправления уже созданные общественные территориальные управления могут стать для сельских сообществ одной из реальных сторон социального партнерства между сельскими жителями и двухуровневой муниципальной властью.

Организация работы ТОС. Возглавляет ТОС (здесь его называют община) староста, который выбирается на три года. Община имеет общественный бюджет – тратят на ремонт моста, дороги, уборку кладбища, восстановление музея. Решают всей общиной – сколько и на что расходовать средства. «Да. Но староста пока я, потому что в любой момент, хоть завтра, люди возьмут и соберутся – нет, ты много болтаешь, но мало делаешь и меня заменяют. **То есть у Вас выборная должность? Выборная. Как часто Вы собираетесь в течение года? Собираемся раз в год – это обязательно, вот у нас буквально три дня назад проходило отчетное собрание, что сделано и что нужно сделать в ближайшее время, что за год, и у кого какие вопросы, у кого какие идеи еще будут. Идеи, конечно, хватает. Субботником, например, на кладбище, там женщина такую идею вот дала, и действительно, мы там хоть прибрали. А в состав Вашего схода сколько входит человек? В состав входят все желающие жители деревни Пяльма. Жители и кому не безразлична ее судьба – те, кто живет летом. Принимаем пожертвования на проведение праздников, ремонт часовни, на которые не дало Министерством культуры ни рубля».**

От лица общины староста активно участвует в проектной деятельности, в том числе в международной, что также работает на развитие сообщества – поездки в Финляндию и Ирландию помогают понять ему свою роль и место. «**А какие-то идеи Вы перенесли для себя сюда, то есть реально что-то сделать? Идеи в большом, в большом плане – как взаимодействовать с властями, в этом плане. Потом я убедился, что если сами что-то делать не бу-**

дем, никакая власть нам не поможет, не надо уповать, что там кто-то что-то даст, что-то сделает. Да, конечно, хорошо сельским туризмом заниматься – там власть помогает, в других странах всё дают. Ну, я расспрашивал каждого владельца там, с чего начинали, и убедился в том, что они сами сначала упирались – упирались-упирались, потом власти им помогали. Просто так не давалось. Интересные очень истории. И в основном те, кто добивались, билась, работали, у тех да, идет дело. А у нас тем более, если думать, что кто-то даст, да не будет такого. Поэтому надо надеяться в основном на себя».

Отношения с властью. Отношения с местной властью у П. Поташева складывались очень непросто. Их эволюция развивалась в процессе формирования его как фермера, предпринимателя, а затем как официального представителя сельского сообщества. Власть всегда была против слишком активных людей, что связано с неосознанным чувством опасения потерять контроль над субъектами своего управления. Появление такого активного человека в пудожских краях было началом этого процесса. В конце 80-х, когда частная инициатива еще не была реабилитирована в обществе, такой феномен стал диссонансом районного масштаба. «Когда сюда приехал, я зашел в исполком, сейчас поселковый совет. Туда зашел, говорю: вот собираюсь заниматься возрождением деревни. Хорошо, это только приветствовать надо! Пришел в совхоз – там у меня друг по институту был начальником. Говорю – вот работать приехал. Так давай сейчас коттедж здесь тебе построим, коровник на переезде отдадим там, может, техникой какой помочь. Я ему сразу сказал: у меня два условия – землю пожизненно в свое владение и предприятие самостоятельное, я не хочу быть начальником подсобного хозяйства. Я хочу быть самостоятельным предприятием. Он мне сразу же возражает, хоть ты мне и друг, но я тебе ни гектара земли не дам, обижайся, не обижайся. А я ему говорю: ну и ты не обижайся, если я эту землю все равно получу. С тех пор у нас такой разговор, ну, так, здороваемся, но он стал чинить препятствия мне, но я все равно землю получил. Ну, он как бы своим подчиненным дал маленького разгону и уже начал другую песню петь. Если сначала возвращать, то потом не давать, забрать вот это поле».

В этом фрагменте интервью воспроизведена история государственной политики в отношении фермеров. «А я уже начал здесь работать, когда уже дали землю. Хотя в Петрозаводске все было решено, в Пудоже все решили переиграть. Забрать землю. И причем поле вот это, самое большое поле здесь было, и мне трактор угонять не надо было. Они это поле решили забрать. Препятствия чинили: собирали людей в поселках на партийных собраниях, собирали людей и ориентировали: кому надо в

деревне Пяльма огороды, мы дадим – они так агитировали. Пишите только заявления. Написали заявление человек шестьдесят. Ну и что – забрали у меня это поле, разрезали его на участки, по две сотки, и они там посадили картошку. На второй год некоторые говорят – ой, какая земля тяжелая, все руки поломали. Некоторые сразу отказались, некоторые попозже. И в конечном счете все побросали, а поле пустует, мое – это я так понял, ну а мое поле вон зарастает, кто-то подкашивает его».

В настоящее время неприязнь местной власти остается. Она практически отстранилась от проблем д. Пяльма (*там своя власть есть – пусть и решает – имеется в виду ТОС*). Любое общественное мероприятие, которое затевается в деревне, принимается очень агрессивно. «У Поташева грант – вот пусть он и оплачивает все». Это отношение транслируется жителям близлежащих поселков (п. Пяльма – бывший Кодачи), которые не вполне лояльны и объективны к деятельности фермера-активиста. «Дома скупает, землю, а людям не дает – кулак». Таким образом, личность старосты д. Пяльма в центре внимания всего района. Причем, по нашим оценкам, это внимание в большей степени имеет негативную окраску.

Духовное развитие д. Пяльма. Несмотря на многочисленные препоны, деревня начала оживать. Объединяющим культурным звеном в этом сообществе выступает музей и возрождение с его помощью давних крестьянских традиций и обычаев. В селе организуются встречи Пяльмского землячества, проводятся праздники. «Без этого нельзя жить. Без истории нельзя жить, а без духовности и нравственности тем более. Надо возрождать, возрождение деревни – это значит возрождение этих культурных праздников, возрождение традиций, возрождение игр... Всё, что вот ещё помним, всё это надо возрождать. В этом ключе и идем. Музей создан, чтобы не потерять связь с предками, ведь наши дети многое не знают, что как называется. Здесь все обставлено, как раньше была квартира обставлена. Здесь даже записаны у нас старинные слова, говор старинный. Надо бы записать наших стариков – они многое знают».

Возрождение деревни невозможно без сохранения зодчества. «Старые дома. Да они же светятся. Вот они мне на многие вещи открыли глаза. Они же светятся».

Такие слова может говорить только большой романтик, и этот романтизм замешан на большой привязанности к своей земле, ответственности перед своими земляками. «Им не хочется допустить независимого субъекта. Это самое основное и так далее. Если нет независимого субъекта, нет этих жителей, они, значит, здесь могут – дачу построить, хоть еще что-то, что угодно. Приехать на речку, рыбу тут глушить, травить, уже никто здесь ничего не скажет».

Пока в д. Пяльма все замкнуто на одном человеке – старосте. Поддержка со стороны местной власти (местная власть есть в близлежащем лесном поселке – Пяльма) нулевая. Все вопросы решаются (если они решаются вообще) через поддержку (в основном неформальную) региональных структур. В начале 90-х годов староста стал активным членом региональной Ассоциации фермеров, где приобрел навыки работы с чиновниками. Имеющий высшее техническое образование, природную предприимчивость и крестьянскую основательность, он понял, что власть надо «брать в живую». Все свои проекты – а это и получение в собственность леса, и создание ТОС на территории своей деревни, и создание музея, и начало деятельности в сфере сельского туризма – он реализовывает не только благодаря своей грамотности и целеустремленности, но и посредством налаженных неформальных связей.

Социальная сеть в общине сформирована на основе первичного и ближайшего социального окружения. «Многолетние травы посеял, кошу сено, ну, сено для коровы сестры, второй сестры, ну, там вот старушкам, которые не могут». Семейно-родственные, дружеские и соседские связи, которые сохраняют свою устойчивость и в настоящее время, являются основой для социальной кооперации. Такая система отношений позволяет решать многочисленные хозяйственно-бытовые вопросы. «Да кооперация у нас такая, ну, они, семидесятилетние старушки, держат коров. Кооперация какая: я им сена, а они мне навозу; я им скошу огород, они там чем-то помогут чисто в бытовом плане».

С точки зрения эффективности обменов данные процессы можно рассматривать, основываясь как на неоклассику, так и на институционализм. В контексте неоклассической теории противопоставляются два способа обменов: рыночный и перераспределение, которые могут осуществляться только в рамках экономической организации. Экономическая социология, отталкиваясь от институциональных теоретических позиций, подвергает сомнению эффективность рыночных обменов и объясняет это неполнотой доверия между их участниками (Якубович, 2002). Социальные связи, основанные на родственных, соседских и дружеских отношениях, имеют неэкономическую природу, но эффективность обмена в рамках этих связей может значительно превысить рыночный благодаря высокому уровню доверия внутри такой социальной организации. Следует сказать, что социальные сети, сложившиеся внутри современного сельского социума, представляют собой такую социальную организацию, которая замещает экономическую организацию.

Учитывая современные тенденции движения российского села в сторону натурализации экономических отношений, можно вполне

согласиться с К. Поланьи (2001): «Наряду с рыночным обменом и перераспределением, реципрокность, которая представляет собой обмен подарками и услугами между членами симметричных групп, является наиболее эффективной формой социальных отношений, работающих на повышение их благосостояния. Принцип симметрии является гарантией того, что каждый член рассматриваемой группы выступает и как донор, и как получатель, что делает возможным непрерывающийся поток взаимных подарков и услуг». Реципрокность – это фактически основа социальных сетей, которая развита и в условиях перераспределения, и в условиях рыночного обмена. «Я предлагаю не делить социальные сети на рыночные и перераспределительные, а включить их в теоретическую схему Поланьи в качестве отдельных структур, поддерживающих различные способы распределения ресурсов через взаимодействие с формальными институтами» (Якубович, 2002).

Попытаемся оценить социальную сеть конкретного сельского поселения – д. Пяльма. Благодаря своим малым размерам деревня имеет достаточно плотную сеть, так как она практически состоит или из родственников, или из давно и хорошо знающих друг друга соседей, которые постоянно включены в процесс совместного решения различных проблем – от хозяйственных до личных.

Степень централизации социальной сети очень высока, что определяется фигурой самого старосты. Все инициативы, все проекты, которые реализуются на территории деревни, исходят от него. Он является центром активности этого маленького сельского сообщества. Это, на наш взгляд, пассионарная личность, вокруг которой начинается «турбулентное движение», и в него вовлекается все сообщество. Не будь такого человека, деревня давно бы прекратила свое существование. Следует сказать, что между старостой и жителями деревни существует очень высокая степень доверия. Такая роль не всегда адекватно воспринимается на уровне местной власти и сообщества близлежащих населенных пунктов. Многие инициативы старосты они воспринимают как вызовы, за которыми стоят личные амбиции и личная выгода. «Он скупил дома, а земля пропадает. Ее людям не отдают». На муниципальную и региональную власть он выходит от имени общины, но всегда в качестве главного действующего лица. Такая высокая степень централизации социальной сети может быть расценена, с одной стороны, как единственно возможная форма возрождения родной деревни, с другой – как концентрация власти над сообществом в одних руках. Тем не менее в настоящее время данное явление имеет больше позитивных результатов, нежели негативных.

Сила социальных связей определяется характером отношений между представителями

сети, их структурной близостью – наличием совместного имущества, персональных контактов, информационных обменов. Следует сказать, что для рассматриваемого объекта данный параметр может быть оценен достаточно высоко. Все эти виды структурного взаимодействия налицо. Связанные родственными и соседскими отношениями, жители деревни общаются, обмениваясь информацией, необходимой для жизни. Кроме того, некоторые из них имеют дома в совместной собственности.

Устойчивость социальной сети пока еще не может быть оценена высокими значениями. Следует сказать, что данный параметр также в значительной степени замкнут на личности старосты. Будет ли он укрепляться или постепенно сойдет на нет – все зависит от того, сможет ли и захочет ли староста продолжать преодолевать многочисленные барьеры – психологические, административные, финансовые, институциональные.

Степень формализации социальной сети д. Пяльма также пока еще не однозначна. Как показывает рассмотренный пример формирования общественных структур самоуправления, их формализация (юридическое закрепление) пока не позволяет сельским сообществам Карелии находиться в общем контексте регионального развития. Продолжает свое существование следующая социальная взаимосвязь, позволяющая решать проблемы жизнеобеспечения малых сельских сообществ: неформальная социальная сеть местного уровня (связи жителей д. Пяльма) – формальная структура местного самоуправления (ТОС д. Пяльма) – неформальная сеть муниципального и регионального уровней (личные связи старосты д. Пяльма во властных структурах). Присутствие формального звена пока только декларативно, хотя это один из будущих механизмов развития сообщества.

В целом можно говорить о том, что социальная сеть д. Пяльма обладает достаточной плотностью, высокой степенью централизации, слабой формализацией и развитостью неформальных отношений. Такие сети, сочетающие в себе признаки формальных и неформальных отношений и не имеющие выхода на внешние развитые формальные институты, эффективны только на локальном уровне. Они не экстраполируют своего эффекта на более широкие контексты. К сожалению, в российском обществе не сформирована сеть формальных институтов, позволяющих распространять локальные эффекты социальных сетей на все общество.

Таким образом, на основе реализованных исследований выдвинута и подтверждена гипотеза: в условиях формирования рыночной экономики распространены «прообразы» социального партнерства (нерегулярные, нестабильные, с ограниченным кругом решаемых задач, составом участников и т. п.) в виде формальных и неформальных практик. В условиях отсутствия развитых гражданских инициатив и

развитых форм внутри- и межсекторного взаимодействия вопрос о становлении эффективных форм социальных партнерств в настоящее время остается открытым. Вместе с тем исследование показало, что в низовых уровнях социально-территориальных образований формы переговорно-согласовательного процесса (как прообразы социального партнерства) результативны не только в решении злободневных проблем, связанных с выживанием. Они также закладывают основы для формирования новой системы социальных и экономических связей.

Литература

- Никонов А. А.*, 1995. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России 18–20 вв. М.: Наука. 547 с.
- Поланьи К.*, 2001. Экономика как институционально оформленный процесс (перевод М. С. Добряковой) // Экономическая социология. Т. 3, № 2. С. 62–73.
- Республика Карелия.* Законы. О территориальном общественном самоуправлении в Республике Карелия [Закон Республики Карелия от 10.10.1996 г. № 150-ЗРК] // Карелия. № 42, окт. 1996 г.
- Республика Карелия.* Законы. О внесении изменений в Закон РК «О территориальном общественном самоуправлении в Республике Карелия» [Закон Республики Карелия от 19.06.2002 г. № 593-ЗРК] // Карелия. № 41 (888), 18 апр. 2002 г.
- Российская Федерация.* Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Федеральный закон от 2003 г. № 131-ФЗ: вступает в силу с 1.01.2006] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.
- Савранская О. Л.* Правовые аспекты развития местного самоуправления в сельской местности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.lslg.ru/download/publications/selo.rtf/>
- Якубович В.*, 2002. Институты, социальные сети и рыночный обмен // Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.